высокой башне, о странствующих певцах и мн. др. Исследователь делает значимый вывод: «Ни один из русских писателей не уделял кавказскому фольклору такого углубленного, длительного внимания, как Лермонтов. <...>В его творчестве имеются отзвуки народной поэзии кабардинцев, карачаевцев, шапсугов, чеченцев, ингушей, осетин, грузин, азербайджанцев, армян, а также гребенских казаков. Лермонтов интересовался различными жанрами кавказского фольклора — эпическими песнями, родовыми и историческими преданиями, сказками, лирическими песнями, пословицами и поговорками; его привлекал и старинный фольклор (о горном духе, об Амиране, о легендарной царице Дарье и др.) и современный, отображавший быт горцев и казаков той поры и события, связанные с Кавказской войной» [там же, с. 260].

Во многом благодаря произведениям Лермонтова читатели России полюбили Кавказ, его культуру, обычаи и традиции его народов, приняли Кавказ как неотъемлемую часть нашей родины, кавказская поэзия Лермонтова оказала огромное влияние на становление литератур народов Кавказа, формирование неклассического стиля мышления в русской поэзии, становление особой философии универсальности в русской литературе [см.: 3, 4, 5]. Работы Л.П. Семенова в настоящее время мало учитываются лермонтоведами, обращение к выпавшим из научного обихода исследованиям Л.П. Семенова позволит обогатить отечественную науку о литературе, даст возможность использовать на новых основаниях опыт выдающегося ученого-кавказоведа.

***

1. Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Антология: В 2 т. – Ставрополь: СГУ, 2007. – Т. 1. – С. 162–223.
2. Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Антология: В 2 т. – Ставрополь: СГУ, 2007. – Т. 1. – С. 230–268.
3. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Лермонтов и барокко. — Ставрополь: СГУ, 2007.
4. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика Лермонтова. — Ставрополь: СГУ, 2009.
5. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Универсальность Лермонтова. — Ставрополь: СКФУ, 2014.

Ковалевская С.А.

Этический концепт «Мужество»

*Тюменский индустриальный университет
(Россия, Тюмень)*

doi:10.18411/lj-31-03-2018-84

idsp: 000001:lj-31-03-2018-84

Аннотация

В статье рассматривается изменение интерпретация этического концепта «мужество» начиная с античного времени до наших дней. Исследуется трактовка концепта «мужество» с точки зрения философии, этики и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концепт «мужество», этический концепт

Понятие мужества знакомо нам всем из нашей обыденной жизни. Если мы попросим описать мужество, большинство людей представят солдата на войне или человека, вбегающего в горящее здание, или же супер героя из комиксов, который спасает мир. В этих случаях мужество рассматривается как качество, необходимое для проявления героизма. Такое представление о мужестве широко распространено в нашем обществе. Мы также используем слово мужество, когда говорим об отстаивании интересов, борьбе с коррупцией или политическими режимами. При этом более точное определение мужества вызывает сложности.

Феномены морально-этической концептосферы изучаются с различных позиций не только философами, но они также являются предметом когнитивных исследований в лингвистике.

Данные сущности связаны с удовлетворением нравственного чувства, которое, по замечанию Н.Д. Арутюновой, относится к «ядру духовного начала человека» [1].

Сложность анализа и постижения природы этических концептов обусловлена отсутствием у них видимой физической опоры в материальном мире, если не считать таковой звуковую форму слова [5].

Концепты этого типа – абстрактные сущности, более субъективные по своему характеру, чем конкретные имена, которые в большей степени являются коллективными.

Этические смыслы объединяют под одной и той же языковой номинацией разнообразные и часто противоречивые свойства, доступные интуитивному познанию [4].

Этические концепты, например «совесть», «честь» (а также анализируемые нами концепт «мужество»), «выкристаллизовываются» из конкретных фактов человеческой деятельности, «сценарной» серии поступков, эмоций, переживаний. Данные сущности оценочны по своей природе по принципу «плюс» – «минус», всегда используются в контексте определённых эмоциональных настроений. Гносеологический субъект познаёт их не через словарные дефиниции, а в результате личного социального опыта, а также опыта предшествующих поколений, традиций общества, которому он принадлежит [2].

«Мужество есть этическая добродетель, характеризующая нравственную меру в преодолении страха; одна из четырёх добродетелей античности (наряду с умеренностью, мудростью и справедливостью)» [3].

Мужество одновременно относится и к сфере этики, культурологии и ко многим другим сферам человеческой деятельности.

Мужество тесно связано с таким понятием как добродетель. Представления о добродетели в течении всей истории изменялось. Как показало наше исследование трактовки мужества в античном мире, в Древней Греции Платон связывал проявление добродетели с четырьмя нравственными качествами: мудростью, умеренностью, мужеством и справедливостью.

По мнению Аристотеля, мужество было связано с преодолением страха смерти. Предметом мужества являлась смерть, которая считается достойной. Отношение к смерти характеризует нравственные качества индивида. Таким образом Аристотель считал, что величайшее испытание мужества – это готовность пожертвовать собственной жизнью.

Наряду с Аристотелем и Платоном, вопросом мужества занимался Сенека [6]. Он считал, что мужество показывает существование взаимозависимости между страхом смерти и страхом жизни, так же как и взаимозависимость между мужеством жить и мужеством умереть. Такое определение мужества относится к стоицизму. Стоическое мужество – это мужество быть, а самоубийство как побег, вызванный страхом, противоречит стоическому мужеству.

Позднее в средневековье возродилась аристократическая традиция. Мужество вновь стало отличительной чертой знати. Рыцарь – это человек, который ведёт себя мужественно как солдат и как дворянин.

К примеру, для Фомы Аквинского мужество – это в первую очередь, дар Божественного Духа. Именно посредством Духа природная сила души возвышается до своего сверх природного совершенства. И это означает, что мужество соединяется с такими христианскими добродетелями как вера, надежда и любовь.

Таким образом, мужество — центральная добродетель средневекового рыцарства, связанная с понятием чести. Высокая оценка мужества свойственна также мещанской морали, хотя здесь оно уже не рассматривается в качестве кардинальной добродетели и теряет преимущественное значение воинской доблести. Такая трансформация мужества стала одним из важнейших выражений и результатов сдвига в общественных нравах.

В связи с тем что в период Средневековья христианское общество выдвинуло на первое место веру, были пересмотрены составляющие добродетели. Ими стали: вера, надежда и любовь. Христианской верой они рассматривались «как веру в Бога, надежду на его милость и любовь к нему».

В настоящее время мужество чаще употребляется в расширенном содержании, как синоним нравственной твердости. Таким образом, оно чаще всего выступает как общечеловеческая точка зрения и все больше утрачивает значение мужской добродетели. Такому смещению акцентов в осмыслении мужества в значительной степени способствуют современные теории о ненасилии. В этих теориях мужество трактуется как ненасильственное противостояние несправедливости и злу. Махатма Ганди однажды сказал, что мужество ненасилия во много раз превосходит мужество насилия.

Мужество и честь являются моральными, этическими категориями, означающими возможности человека преодолевать сложные жизненные обстоятельства и состояния страха без потери чувства собственного достоинства и уважения окружающих людей. Они тесно взаимосвязаны и основаны на таких качествах, как долг, ответственность и стойкость.

Следует отметить, что моральные категории, к примеру мужество, отражаются не только на теоретическом уровне, но и на уровне общественного сознания в виде определенных чувств, иллюзий, представлений, и т.п. Наряду с этим, одни и те же слова могут отражать данные уровни. Приведем пример, существует категория мужество, в то же время у каждого индивида имеется своё представление о том, что такое мужество и как оно проявляется.

В языке нет слов и понятий, чтобы точно центрировать добродетель, но есть дополнительные пары понятий, между которыми остается большой промежуток для свободных действий - нравственный континуум, волновая функция доброго: между щедростью и бережливостью, между мужеством и благоразумием, и т.д.

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на все изменения происходившие в обществе в разное время и независимо от принадлежности к общественному слою, всегда присутствовали однозначно положительные категории, например, мужество, верность, бескорыстие, и т.п.

Трансформация трактовки понятия «мужество» раскрывает нам новые грани данного понятия. Мужество «есть смелость спокойно и сдержанно думать перед лицом опасности, сдерживая порыв панического страха или ярости». Самое трудное мужество повседневности.

Рассмотрев мужество как категорию этики, можно сделать вывод о том, что они тесно связаны между собой. Как было упомянуто выше такие этические категории как бы аккумулируют в себе содержание друг друга. Отсюда следует, что содержание одной из них, как правило, раскрывается через использование других. Если рассматривать это с точки зрения античных философов, то категория мужества является отражением добродетели, но также можно утверждать, что изучаемый нами концепт «мужество» раскрывается с помощью категорий великодушие, самоотверженность, выдержка, смелость, храбрость и др.

***

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. С.76
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. С. 38
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 112
4. Кононова И.В. Этические концепты: структура и репрезентации // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Материал 8-го регионального семинара. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 145
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Черо, 2003. С. 154
6. Тиллих П. Мужество быть. Перевод Т. И. Вевюрко. М.: Юрист, 1995. С. 7 – 35.